

17 АПРЕЛЯ, 1982

Эмили Вон нахмурилась, глядя в зеркало. Платье выглядело так же красиво, как и в магазине. Проблема была в ее теле. Она повернулась сначала в одну сторону, потом в другую, пытаясь найти ракурс, с которого она не будет выглядеть, как выбросившийся на берег умирающий кит.

Из угла прозвучал голос бабушки:

— Тебе лучше держаться подальше от печенья, Роуз.

Эмили потребовалась секунда на то, чтобы перестроиться. Роуз была сестрой бабушки, она умерла от туберкулеза во время Великой депрессии. Эмили дали второе имя в ее честь.

— Бабуль, — сказала Эмили своей бабушке, прижав руку к животу, — я не думаю, что это из-за печенья.

— Ты уверена? — Хитрая улыбка коснулась губ бабушки. — Я надеялась, что ты поделишься.

Эмили еще раз неодобрительно нахмурилась при виде своего отражения, прежде чем с усилием натянуть улыбку на лицо. Она неловко опустилась на колени перед креслом-качалкой бабушки. Пожилая женщина вязала детский свитер. Ее пальцы подныривали под крошечный воротник и выпархивали из-под него, как колибри. Длинный рукав ее платья в викторианском стиле был закатан по локоть. Эмили осторожно коснулась темно-фиолетового синяка, опоясывающего ее костлявое запястье.

— Руки-крюки, — напевный голос бабушки как будто бы извинялся. — Фредди, тебе нужно переодеть это платье, прежде чем папа вернется домой.

Теперь она думала, что Эмили — это ее дядя Фред. Деменция — это не что иное, как череда встреч с семейными скелетами, выстроившимися в шкафу.

Эмили спросила:

— Хочешь, я принесу тебе печенья?

— Было бы замечательно.

Бабушка продолжала вязать, но ее глаза, которые обычно ни на чем не фокусировались, внезапно остановились на Эмили. Она наклонила голову набок, будто рассматривала перламутровую стенку морской раковины.

— Только взгляни на свою прекрасную гладкую кожу. Ты такая миленькая.

— Это семейное. — Эмили потряс этот почти осязаемый переход в осознанное состояние, которое изменило взгляд ее бабушки. Она снова вернулась в реальный мир, словно кто-то прошелся шваброй по ее захламленному разуму и снял всю паутину.

Эмили коснулась ее морщинистой щеки.

— Здравствуй, бабуль.

— Здравствуй, моя милая деточка. — Ее руки прекратили вязать и нежно легли на лицо Эмили. — Когда у тебя день рождения?

Эмили знала, что должна дать ей как можно больше информации.

— Через две недели мне будет восемнадцать, бабушка.

— Две недели. — Улыбка бабушки стала еще шире. — Как замечательно быть молодой. Столько надежд. Вся жизнь — как книга, которую только предстоит написать.

Эмили взяла в кулак всю свою волю: она возвела вокруг себя крепость, защищаясь от волны эмоций. Она не хотела портить этот момент слезами.

— Расскажи мне историю из своей книги, бабуль.

Бабушка засветилась от радости. Она любила рассказывать истории.

— Я уже рассказывала тебе, как вынашивала твоего отца?

— Нет, — ответила Эмили, хотя слышала эту историю десятки раз. — Как это было?

— Кошмарно, — она рассмеялась, чтобы смягчить это слово. — Меня тошнило по утрам и вечерам. Я еле вставала с кровати, чтобы что-то приготовить. В доме был полный бардак. На улице стояла жарница, это я точно помню. Мне ужасно хотелось подстричься. Волосы были очень длинные, до пояса, и пушились на жаре еще до того, как успевали высохнуть.

Эмили подумала, не путает ли бабушка свою жизнь с рассказом «Бернис коротко стрижется». Фитцджеральд и Хемингуэй часто переплетались с ее воспоминаниями.

— Насколько коротко ты подстриглась?

— О нет, я этого не сделала, — ответила бабушка. — Твой дед мне бы не позволил.

Эмили почувствовала, как у нее открывается рот от изумления. Это звучало как история из реальной жизни, а не рассказ.

— Такая суматоха поднялась. Вмешался мой отец. Они с моей матерью пришли заступиться за меня, но твой дед отказался пускать их в дом.

Эмили крепко сжала дрожащие руки бабушки.

— Я помню, как они спорили на крыльце. Дошло бы до драки, если бы мама не уговорила их остановиться. Она хотела забрать меня домой и присмотреть за мной, пока не родится ребенок, но твой дед не согласился. — Она выглядела потрясенной, будто ей в голову внезапно пришла какая-то мысль. — Представь, насколько иначе сложилась бы моя жизнь, если бы они забрали меня домой в тот день.

Эмили была не в состоянии это представить. Она могла думать только о своей жизни. Она попала в ту же ловушку, что и ее бабушка.

— Ягненок, — узловатые пальцы бабушки поймали слезы Эмили, прежде чем они успели упасть, — не грусти. Ты вырвешься. Ты пойдешь в колледж. Ты встретишь мальчика, который будет тебя любить. У тебя появятся дети, которые будут тебя обожать. Ты будешь жить в красивом доме.

Эмили почувствовала, как у нее щемит в груди. Она потеряла надежду на такую жизнь.

— Сокровище мое, — сказала бабушка, — ты должна мне поверить. Я блуждаю в тумане между жизнью и смертью, и это позволяет мне заглянуть и в прошлое, и в будущее. В грядущих днях я не вижу для тебя ничего, кроме счастья.

Эмили почувствовала, как ее крепость трескается под напором нахлынувшей тоски. Что бы ни случилось — хорошее, плохое или нейтральное, — бабушка этого не увидит.

— Я так сильно тебя люблю.

Ответа не последовало. Взгляд бабушки снова затянуло паутиной, и он приобрел знакомое выражение замешательства. Она держала за руки незнакомку. Смутившись, она вновь взялась за спицы и вернулась к свитеру.

Вставая, Эмили стерла остатки слез. Нет ничего хуже, чем смотреть, как плачет незнакомец. Зеркало манило, но она и так чувствовала себя достаточно паршиво, чтобы смотреть на свое отражение еще хотя бы секунду. К тому же ничего все равно не изменится.

Бабушка даже не подняла взгляд, когда Эмили взяла свои вещи и вышла из комнаты.

Она остановилась наверху лестницы и прислушалась. Резкий голос ее матери приглушала закрытая дверь ее кабинета. Эмили попыталась расслышать глубокий баритон отца, но он, вероятно, все еще был на заседании факультета. И все-таки Эмили сняла туфли, прежде чем осторожно прокрасться вниз по лестнице. Каждая

скрипучая половица была знакома ей так же хорошо, как и воинственные крики родителей.

Ее рука уже тянулась к ручке входной двери, когда она вспомнила про печенье. Величественные старинные часы ее деда показывали почти пять. Бабушка не вспомнит о своей просьбе, но ее покормят только после шести.

Эмили поставила туфли у двери, прислонила к каблучкам небольшую сумочку. На цыпочках прошла мимо кабинета матери на кухню.

— И куда ты, черт возьми, собралась идти в таком виде?

Отцовская вонь сигар и несвежего пива заполнила кухню. Черный пиджак был накинут на один из стульев. Рукава белой деловой рубашки подвернуты. Неоткрытая банка «Натти Бо» стояла рядом с парой уже пустых и смятых.

Эмили смотрела, как капля конденсата стекает по запотевшей банке.

Ее отец щелкнул пальцами, как будто подгоняя одного из своих аспирантов.

— Отвечай.

— Я просто...

— Я знаю, что ты *просто*, — перебил он ее. — Тебе мало того вреда, который ты уже нанесла этой семье? Ты собираешься окончательно разрушить нашу жизнь за два дня до самой важной недели в карьере твоей матери?

Лицо Эмили вспыхнуло от стыда.

— Это никак не связано с...

— Мне абсолютно плевать, что ты думаешь о том, с чем это *связано* или *не* связано. — Он сорвал кольцо с банки и бросил его в раковину. — Ты можешь развернуться, снять это омерзительное платье и оставаться в своей комнате, пока я не скажу тебе выходить.

— Да, сэр. — Она открыла шкаф, чтобы взять печенье для бабушки. Пальцы Эмили едва коснулись оранжево-белой упаковки «Берджерс», когда рука отца схватила ее

запястье. Ее мозг сосредоточился не на боли, а на воспоминании о синяке в форме наручников на хрупком запястье ее бабушки.

Ты вырвешься. Ты пойдешь в колледж. Ты встретишь мальчика, который будет тебя любить.

— Папа, я...

Он сжал сильнее, и от боли у нее перехватило дыхание. Эмили уже стояла на коленях, крепко зажмурив глаза, когда вонючее дыхание отца ударило ей в ноздри.

— Что я тебе сказал?

— Ты... — она ахнула, когда кости у нее в запястье затрещали. — Извини, я...

— Что я тебе сказал?

— И-идти в свою комнату.

Его хватка ослабла. Облегчение было таким, что новый вздох родился где-то в самой глубине живота Эмили. Она поднялась. Закрывает дверцу шкафа. Вышла из кухни. Вернулась в коридор. Поставила ногу на нижнюю ступеньку, прямо на самое скрипучее место, но потом опустила ее обратно на пол.

Эмили обернулась.

Ее туфли все еще стояли у входной двери, вместе с сумочкой. Они были одного оттенка бирюзового, идеально подходившего к ее атласному платью. Но платье было слишком тесное, колготки не налезали, а ступни совсем опухли, так что она проигнорировала туфли и схватила только сумочку, прежде чем выйти за дверь.

Нежный весенний бриз ласкал ее обнаженные плечи, пока она шла по лужайке. Трава щекотала ей ноги. Она чувствовала резкий запах соли от океана вдалеке. Атлантика была слишком холодной для туристов, которые летом стекались на променады. Сейчас Лонгбилл-Бич принадлежал местным, которые никогда в жизни не встали бы в длинную очередь к «Трэшер» за ведерком картошки фри и не стали бы пораженно наблюдать, как

машина растягивает разноцветную карамель в витрине кондитерской.

Летом.

Всего несколько месяцев назад.

Клэй, и Нардо, и Рики, и Блейк собирались сдавать выпускные экзамены, собирались вступить во взрослую жизнь, собирались уехать из этого душного, убогого прибрежного городка. Вспомнят ли они когда-нибудь об Эмили? Вспоминают ли они о ней хотя бы сейчас? Может быть, с жалостью. Может быть, с облегчением, что наконец-то вычистили гниль из своего кровосмесительного кружка.

Ее статус изгоя теперь казался не таким болезненным, как вначале. Эмили наконец смирилась с тем, что перестала быть частью их жизни. Вопреки тому, что сказала бабушка, Эмили никуда *не* вырвется. Она *не* пойдет в колледж. Она *не* встретит мальчика, который будет ее любить. Она будет визжать в свисток спасателя на бегущую по пляжу несносную мелюзгу или раздавать бесконечные бесплатные пробники за стойкой «Солти Питс Софт Серв».

Ее босые ступни шлепали по теплomu асфальту, когда она заворачивала за угол. Она хотела оглянуться на дом, но удержалась от этого драматического жеста. Вместо этого она представила, как ее мать шагает взад-вперед по своему кабинету с прижатым к уху телефоном и разрабатывает стратегию. Ее отец допивает очередную банку пива, а потом мысленно сравнивает расстояние до пива в холодильнике с расстоянием до виски в библиотеке. Ее бабушка заканчивает вязать крошечный свитер, гадая, для кого она вообще могла его начать.

Приближающаяся машина заставила Эмили сойти с середины дороги. Она проводила взглядом проплывший мимо двухцветный «Шевроле Шеветт», затем увидела ярко-красный свет стоп-сигналов, когда машина

с визгом остановилась. Из открытых окон грохотала музыка. «Бэй Сити Роллерс».

С-У-Б-Б-О-Т-Н-И-Й вечер!

Голова мистера Векслера повернулась как на шарнире от зеркала заднего вида к боковому. Стоп-сигналы моргнули, когда он снял ногу с тормоза, нажал на газ и тут же снова притормозил. Он пытался решить, ехать ему дальше или нет.

Эмили отступила в сторону, когда машина начала двигаться задним ходом. Она почувствовала запах косяка, тлеющего в его пепельнице. Она предполагала, что Дин сегодня будет куратором, но его черный костюм больше подходил для похорон, чем для выпускного вечера.

— Эм, — начал он, пытаясь перекричать музыку. — Что ты делаешь?

Она раскинула руки, показывая свое вздымающееся бирюзовое платье.

— А на что похоже?

Он окинул ее быстрым взглядом с ног до головы, а потом осмотрел снова, уже внимательнее, точно так же, как он смотрел на Эмили в первый день, когда она вошла в его класс. Он не только преподавал обществознание, но и был тренером по легкой атлетике, поэтому на нем тогда были бордовые шорты из полиэстера и белое поло с коротким рукавом — то же, что носили другие тренеры.

На этом сходство заканчивалось.

Дин Векслер был всего на шесть лет старше своих студентов, но обладал мудростью и опытом, каких его коллегам никогда не получить. Перед колледжем он взял год перерыва, чтобы попутешествовать с рюкзаком по Европе. Он рыл колодцы в деревнях Латинской Америки. Он пил травяной чай и выращивал собственную травку. Он носил роскошные густые усы, как у детектива Магнума. Он должен был объяснять им основы гражданско-

го права и устройства государства, но на одном занятии читал им статью о том, как инсектициды до сих пор загрязняют грунтовые воды, а на следующем — рассказывал, как Рейган пошел на секретную сделку с иранцами по заложникам, чтобы перевернуть ход выборов.

В общем, они все сходились во мнении, что Дин Векслер — самый крутой учитель, которого они когда-либо видели.

— Эм, — повторил он ее имя, будто вздохнув. Он поставил машину на нейтралку. Загорелись аварийные огни. Он отключил двигатель, прервав песню на слове «ве-е-е-ечер».

Дин вышел из машины. Он навис над ней, но в его глазах не было угрозы.

— Ты не можешь пойти на выпускной. Что подумают люди? Что скажут твои родители?

— Мне все равно, — сказала она, но ближе к концу фразы ее голос сорвался, потому что ей было совсем не все равно.

— Ты должна понимать последствия своих поступков, — он потянулся к ее руке, но потом, видимо, передумал. — Твою мать сейчас проверяют на самых высоких уровнях.

— Правда? — спросила Эмили, как будто ее мать не провисела на телефоне столько часов, что ее ухо приобрело форму трубки. — У нее проблемы или что-то типа того?

Его вздох явно означал, что он проявляет необычайное терпение.

— Мне кажется, ты не осознаешь, что твои поступки могут поставить под удар все, над чем она работала.

Эмили наблюдала за чайкой, которая парила над грядой облаков. «Твои поступки. Твои поступки. Твои поступки». Она и раньше замечала, что Дин вел себя снисходительно, но с ней — никогда.

Он спросил: